

Доктор Дэвид Бауэр, Индуктивное изучение Библии, Лекция 10, Обзор частей и целых, Обзор подразделений, сегментов, разделов и жанра

© 2024 Дэвид Бауэр и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид Бауэр в своем учении об индуктивном изучении Библии. Это занятие 10: Обзор частей и целых, Обзор подразделений, разделов, сегментов и жанров.

Помните, мы упоминали, что на самом деле существует три уровня наблюдения.

Первый — это обзор книги, наблюдение за книгой и обзор книги в целом. Мы говорили об этом. На самом деле я представил здесь два обзора книг: «Обзор Джуда», короткую книгу, довольно простую, и обзор Джеймса, немного более сложный.

Второй уровень наблюдения, как вы помните, — это обзор частей и целых, который включает в себя обзор подразделений, обзор разделов, обзор сегментов, более или менее расширенных единиц внутри книги. И позвольте мне просто уточнить терминологию. Когда вы просматриваете книгу, основными единицами книги будут считаться разделы.

А сами подразделения разбиты на секции или разделены на них. И разделы разделены на сегменты. Теперь, если разделы достаточно большие или длинные, здесь может быть промежуточная категория — подразделы.

Итак, вообще говоря, это идет от разделов к разделам, возможно, подразделам и к сегментам с точки зрения длины. Теперь, на тот случай, если это слишком просто, позвольте мне немного усложнить ситуацию и отметить, что сегменты определяются по длине. Сегмент — это два или более абзаца, равные средней длине главы, хотя и не обязательно соответствующие главе, объединенные общей темой и общей структурой.

Два или более абзаца о длине средней главы, хотя и не обязательно соответствующие главе, объединены общей темой и общей структурой, что на самом деле означает, что основным разделом внутри книги также может быть сегмент. На самом деле, это именно то, что мы обнаружили в моем обзоре Джеймса, где первое главное деление книги — от 1, 2 до 27. Это главное деление книги, но это также и сегмент, потому что он представляет собой

группу из двух или более абзацев размером со среднюю главу, связанных общей темой и общей структурой.

Итак, для простоты будем считать, что здесь речь идет об опросе сегментов. Но то, что я говорю об исследовании сегментов, может быть применимо и к исследованию подразделений или к исследованию секций. Что касается идентификации материалов, мы могли бы пойти дальше и идентифицировать конкретные материалы, давая краткое название каждому абзацу, тем самым напоминая содержание абзаца, помогая нам вспомнить по ассоциации содержание сегмента по абзацам и быть понятным. способен, следовательно, обдумать содержание сегмента, не обращаясь к тексту.

Также структурируйте, и вы увидите, что процесс опроса сегментов в целом соответствует процессу опроса книг. Итак, еще раз, как и в книжном опросе, так и в сегментном опросе, в центре того, что мы делаем, на самом деле является структурный анализ. Структура включает здесь два основных компонента, как и в обзоре книг.

Выявление основных единиц и подразделений, их разбивка и выявление основных структурных связей. Опять же, основные отношения внутри сегмента – это отношения, которые контролируют большую часть сегмента и более половины материала внутри сегмента в целом. В противном случае вы вступаете в незначительные отношения и не обращаетесь к макроструктуре сегмента.

И здесь актуальны те же структурные отношения, о которых мы говорили в обзоре книги. Опять же, мы поднимаем вопросы, окончательные, рациональные и подразумеваемые, по поводу каждой из основных структурных взаимосвязей, которые мы определили, и определяем ключевые и стратегические области, которые являются репрезентативными для основных взаимоотношений внутри сегмента. Однако, в отличие от книжного опроса, мы, конечно, не идем дальше и не делаем ничего подобного более важным данным.

Мы уже сделали это на протяжении всей книги. Но мы отмечаем здесь используемую литературную форму или формы. И мы поговорим об этом.

Мы хотим вернуться и поговорить об этом немного подробнее через минуту, потому что это очень важно, даже для интерпретации. Многое из того, что мы говорим и собираемся сказать через минуту относительно литературных форм или жанров, будет относиться к интерпретации. И потом, опять же, здесь можно упомянуть и другие основные впечатления, все, что, по вашему мнению, следует упомянуть, что относится к сегменту в целом, но не подпадает под номера с 1 по 5 или под номер в частности.

Однако сейчас я хочу сделать паузу и сказать немного о литературной форме или формах. И это касается, собственно, всего жанрового вопроса. На самом деле эти два термина по сути являются синонимами.

Под литературной формой мы здесь подразумеваем жанр. Важно понимать, что каждый отрывок, фактически каждый речевой акт, предполагает жанр. И в каждой культуре существуют определенные жанры, то есть определенные формы, которые признаются.

Когда писатель использует определенный жанр, он предполагает, что его читатели узнают этот жанр, смогут понять, что это именно тот жанр, который он использует, а также узнают характер этого жанра и будут знать, какие виды стратегий чтения, какие движения чтения необходимы, чтобы правильно истолковать этот отрывок в соответствии с жанром, в котором он противопоставляется чтению в соответствии с другими видами жанра. Витгенштейн называет это правилами языковой игры. Жанр на самом деле включает в себя своего рода неявный код.

Как я уже сказал, каждый отрывок включает в себя определенный жанр, а каждый жанр включает в себя неявный код. Жанр подсказывает читателю интерпретировать этот отрывок в соответствии с характером и требованиями этого жанра, а не читать его в соответствии с другими жанрами. Жанр — это своего рода интересная категория или проблема, потому что у вас есть разные уровни жанра.

Есть некоторые довольно общие жанры, можно сказать, общие жанры, и эти общие жанры сами по себе могут быть подразделены на подкатегории с точки зрения более конкретных жанров, а сами эти более конкретные жанры могут быть разделены на подкатегории с точки зрения наиболее конкретных жанров. Например, такой общий жанр, как прозаическое повествование, можно подразделить на различные виды или различные жанры внутри прозаического повествования. Например, истории исцеления и тому подобное, а также сами истории исцеления могут подразделяться дальше.

Жанры, которые мы определяем в момент сегментного исследования, на самом деле являются более общими жанрами, а не более конкретными, потому что, если вы вникаете в более конкретные жанры, если вы пытаетесь идентифицировать более конкретные жанры в точке наблюдения, вы обязательно попадаете в большое количество интерпретаций. Вы должны предположить, что некоторые из этих более конкретных жанров были известны, использовались и были признаны в определенное время и определенными людьми в культуре или субкультуре, к которой принадлежали читатели. Таким образом, на этом уровне действительно безопаснее избегать преждевременной

интерпретации и говорить о более широких категориях жанра, чем о более конкретных.

Но вот некоторые из основных типов жанров, с которыми мы встречаемся в Библии. Первое, что мы упомянем, — это дискурсивный жанр, представляющий собой жанр логической аргументации. Подобные вещи мы находим практически во всех посланиях.

Вы можете процитировать здесь любой отрывок из Иакова или Евреям, дискурсивный, в жанре логической аргументации. Вы найдете это и в других частях канона. Например, Марка 13, дискурс последнего времени в Евангелии от Марка носит дискурсивный характер.

Одной из характеристик дискурсивной, логической аргументации или дискурсивного жанра является то, что предполагается, если нет явных указаний на обратное, что используемый язык будет буквальным, а не фигуральным. У вас может быть образный язык в дискурсивной литературной форме, но вы можете считать язык образным, а не буквальным в дискурсивной форме только в том случае, если есть определенные подсказки к тому факту, что в самом тексте есть определенные указания на то, что в этом конкретном дискурсивном отрывке мы должны думать в терминах образного языка, а не буквального языка, или относиться к нему, если невозможно понять смысл отрывка, читая его в прямом, а не в переносном смысле. Также в логической аргументации мы не должны исходить из хронологической последовательности.

Отрывки движутся тематически, а не хронологически. Итак, мы не можем предполагать, что описанное в 25-м стихе дискурсивной литературной формы подразумевается в терминах времени, которое действительно имело место или произошло после того, что описано в 22-м или 23-м стихе. Другой тип жанра — прозаическое повествование. .

Это жанр рассказа или истории. Это есть, например, в Деяниях 5:1-11, рассказ или репортаж о событии Анании и Сапфиры, но, конечно, и во многих, многих других местах Нового Завета. В случае прозаического повествования также по умолчанию предполагается, что используемый язык будет буквальным, а не образным, хотя вы, конечно, можете использовать образный язык в литературной форме прозаического повествования, но только если в отрывке есть довольно четкие указания. Само по себе, что в этом прозаическом повествовательном отрывке мы должны понимать язык скорее в переносном, чем в буквальном смысле.

В прозаическом повествовании, в отличие от того, что мы говорили о дискурсивном, по умолчанию предполагается, что отрывок действительно движется в хронологическом порядке, что то, что описано, скажем, в стихе 40

отрывка прозаического повествования, следует понимать как следующее за тем, что было описано. в стихе 38 и в хронологическом порядке предшествует тому, что будет описано в стихе 45 и тому подобном. Но из этого правила могут быть исключения. Исключением являются воспоминания или предзнаменования.

Конечно, в случае с флэшбэком автор фактически делает паузу в сюжетной линии и тексте и описывает событие, которое во времени действительно произошло ранее. Это воспоминания. Иногда это называют многоточием, и когда это происходит, на самом деле это очень важно наблюдать, потому что, когда писатель прерывает сюжетную линию в тексте и прибегает к воспоминаниям или их противоположностям, предзнаменованию, когда писатель делает паузу и говорит о событии во времени произойдет в будущем относительно того места, где мы находимся в повествовании текста.

Когда возникает такого рода временной перерыв, писатель собственно, вообще говоря, обращает на это внимание читателя и призывает задуматься, почему же, собственно, это событие, которое на самом деле не принадлежит здесь во времени, помещено здесь в логике текста. Что оно здесь делает? И как это влияет на то, что происходит, что описывается в этом отрывке по событиям? Помимо этого, у нас есть еще и поэзия, и поэзию, конечно, больше можно найти в Ветхом Завете, чем в Новом. Если вы хотите увидеть, как это выглядит, когда переводчики рассматривают отрывок как поэтическую литературную форму, просто посмотрите в своей Библии на Псалмы, и вы обнаружите, что, например, в Псалмах у вас есть постоянный отступ. и эти постоянные отступы — это способ английских переводчиков Библии указать, что, по их мнению, в этом отрывке мы имеем поэтическую форму.

Итак, в Новом Завете есть немного поэзии, особенно когда, конечно, Новый Завет цитирует поэтические отрывки Ветхого Завета или когда автор Нового Завета цитирует гимн, христианский гимн или, возможно, излагает символ веры. Некоторые из символов веры, включенных в Новый Завет, кажутся написанными в стихах, но по большей части поэзия написана в Ветхом Завете, а не в Новом Завете. Библейской поэзии по большей части не свойственна рифма, как, по крайней мере, во многих современных английских поэзиях.

По большей части у вас нет рифмы, хотя некоторая рифма есть в еврейской поэзии, но, конечно, рифма на иврите, и ее не обязательно можно установить или различить в английском переводе. Но она характеризуется тем, что поэзия есть размер, то есть ритм, если не рифма, то, по крайней мере, ритм. Так много долей в строке и тому подобное, и вы можете себе представить, что это было бы весьма полезно при интерпретации библейской поэзии, например, знать, где находится доля, где находится ритм, с точки зрения того, где можно сделать акцент. ложь, а также то, как одна строфа связана по смыслу с другой строфой.

К сожалению, хотя мы и знаем, что в еврейской поэзии есть размер, мы не понимаем его. Мы действительно не знаем, что входило в еврейский поэтический размер. Еврейский поэтический размер мы вообще не понимаем, и поэтому библейская наука не может по-настоящему использовать идеи размера в поэзии.

Но одно мы знаем, что имеем в поэзии, и это было особенно открыто и подчеркнуто Робертом Лаутом несколько столетий тому назад, — это параллелизм. По существу, в поэзии существует три типа параллелизма, и это категории, которые были разработаны Лаутом и в основном приняты с того времени. Первое, о чем мы упомянем, — это синонимический параллелизм, когда вторая строка или вторая строфа говорит по сути то же самое, что и первая, но только другими словами.

И вы можете видеть, насколько это было бы полезно для интерпретации с точки зрения более точного и надежного понимания отрывка, но, по сути, вы имеете одну и ту же идею, представленную двумя разными способами. И так, что две строки, синонимичные строки или строфы, фактически взаимно интерпретируют друг друга. Другой тип параллелизма – антитетический.

Мы имеем это, когда вторая строфа или вторая строка противопоставляются первой, и опять-таки они взаимно интерпретируют друг друга и чрезвычайно полезны. Третий тип, и мы могли бы привести примеры этого, но я не буду сейчас тратить на это время, — это синтетический параллелизм. По сути, синтетический параллелизм включает в себя весь параллелизм, который не является синонимом и не является антитезой.

Существуют различные другие виды параллелизма, которые не подходят под синонимы и антитезы, имеют различные другие функции, и поэтому синтетический действительно является своего рода всеобъемлющей категорией для всех остальных. Притча – это другой тип формы. История, обычно история из стихотворения, — это история из повседневной жизни, которая указывает на духовную истину и могла бы сказать здесь гораздо больше о притчах.

Но слово «притча» или английское слово «притча» на самом деле является транслитерацией греческого слова «притча», которое буквально означает «приведение рядом», «расположение рядом». Итак, в притче есть два элемента: история самой притчи и духовная истина, на которую она указывает. Я говорю духовную истину, библейские притчи, конечно, особенно указывают на духовную истину, но на ту истину или ту духовную истину, на которую они указывают.

Главным вопросом здесь, действительно, в притче, является соотношение между сюжетом притчи и духовной истиной, на которую он указывает. Итак, в

ранней церкви основным, излюбленным способом, хотя это никоим образом не практиковалось всеми отцами, излюбленным способом толкования притч была аллегория, где каждая деталь притчи имела свой духовный аналог. Зачастую такое аллегорическое толкование притчи имело мало общего с сюжетом самой притчи или контекстом, евангельским контекстом притчи, а действительно заключалось в том, что каждая деталь имела свой духовный аналог, ни к чему не способствующий. как и основная мысль самой притчи.

Это аллегорический подход, и его вы найдете среди других у святого Августина. По сути, именно так читались и интерпретировались притчи до Реформации, и реформаторы возражали против многих причудливых аллегорических интерпретаций притч в пользу простого смысла притч, но реформаторы часто не делали этого. Они не практиковали то, что проповедовали, и часто возвращались к аллегорическим толкованиям. И, конечно же, в их интерпретации Папа, как правило, действовал довольно заметно и никогда не был очень счастливым образом.

Так обстояло дело до тех пор, пока в конце XIX века мы не выпустили, возможно, самую значительную работу во всей истории толкования притч немецкого ученого Адольфа Юлихера. Его двухтомный труд, первый том его двухтомного труда о притчах, вышел в 1899 году, второй — в 1910 году. Это двухтомник никогда не переводился на английский язык.

Название — Die Gleichnisreden Jesu. Если бы его переводили на английский язык, название означало бы притчи Иисуса. Он утверждал, что притчи в том виде, в каком их рассказывал Иисус, имели одну точку, и только одну, и все детали притчи существовали только для того, чтобы придать истории интерес и окраску.

Здесь вообще не было никакого духовного аналога. Итак, у вас есть Августин, который, как я уже сказал, придерживается аллегорического подхода, где каждая деталь имеет свой собственный духовный аналог, который присутствует повсюду. На самом деле это не те детали и духовные истины, которые представлены различными деталями, не связанными друг с другом с точки зрения логики притчи.

Такая аллегория с одной стороны противостоит довольно суровому абсолюту всего в одном пункте. Теперь вы, конечно, сразу поймете, что, когда у вас есть объяснение Иисусом притч в Евангелиях, например, 13-й главы Евангелия от Матфея, и, например, притчи о почвах, вы обнаружите, что Иисус на самом деле идентифицирует духовные аналоги деталей. Семя в притче о почве представляет это.

Такая почва представляет такого человека. Этот другой вид почвы представляет другого типа человека. Третий тип почвы представляет собой другой тип человека.

Итак, у вас есть движение к своего рода аллегории. Поэтому, когда Юлихер утверждал, что притчи имеют одну и только одну точку, он настаивал на том, что это верно и для притч в том виде, в котором их говорил Сам Иисус. Он настаивал на том, что объяснение притч, объяснение Иисусом притч, которое мы находим в наших Евангелиях, является, выражаясь техническим языком, недоминиальным.

На самом деле они не были произнесены нашим Господом, но были вложены в Его уста, возможно, евангелистами. Итак, вся аллегорическая тенденция, находящая полное выражение, скажем, у Августина, начинается уже с евангелистов. Но в любом случае именно такой взгляд на притчи господствовал по большей части до середины 1980-х годов или около того.

Но в тот момент к вам выступило несколько ученых. Я думаю здесь об одном Джоне Сайдере в очень важной статье, опубликованной в «Новом журнале библейской литературы», «Переосмысление притч, логика традиции Иеремии». Иеремия был великим исследователем Нового Завета, который последовал за Юлихером в понимании притч.

Сайдер говорит, что даже если признать, что объяснения Иисусом притч, которые мы находим в Евангелиях, недостоверны, что они недоминиальны, они были вложены в уста Иисуса евангелистами. Даже это допускается, и Сайдер сказал, что он не уверен, что следует это предоставлять. Даже если и так, сказал он, на самом деле, если вы собираетесь интерпретировать эти притчи с точки зрения их роли в Евангелиях, с точки зрения окончательной формы текста, вы должны серьезно отнестись к объяснению этих притч Иисусом.

Итак, ключом к толкованию притч в соответствии с их новозаветным контекстом является интерпретация притч в соответствии с методом, который Иисус использовал для понимания притч, как это выражено в его собственных объяснениях. Он говорит, что если вы сделаете это, вы обнаружите, что и Юлихер, и Августин в некоторой степени правы, что притчи Иисуса, как он их объясняет, действительно имеют один главный смысл. Они не ходят повсюду.

Эта деталь имеет отношение к этой богословской истине, эта другая деталь имеет отношение к другой богословской истине. Нет, в притче есть одна главная мысль, но детали имеют духовные аналоги, но они поддерживают и развивают одну главную мысль. Итак, у вас есть один основной момент, который развивается духовной истиной, выраженной деталями притчи. И действительно, именно так толкование притчи развивалось в последние несколько лет.

Теперь вы можете видеть, насколько важно осознавать, что включает в себя толкование притчи, при интерпретации отрывков в этом жанре притчи. Если вы примете, как и я, позицию Сайдера, согласно которой, если вы читаете притчи в соответствии с их евангельским контекстом, включая имеющиеся у вас объяснения, то у притч есть одна основная идея, а детали имеют духовные аналоги, которые развиваются или расширяются на основе этой главной идеи. точка, то это, конечно, способ, которым вы подойдете к притчам, вы будете истолковывать их соответственно. Апокалиптика была жанром, который пытался представить действительно трансцендентное божественное действие в закодированной форме.

Апокалиптика на самом деле была не просто разновидностью литературной формы; это было также социально-религиозное движение, процветавшее около 200 лет по обе стороны от Рождества Христова. Это было движение, в котором участвовали люди, которые чувствовали себя маргинализированными, как в религиозном, так и в социальном отношении, из элиты, из основной массы, и которые действительно верили, что, хотя Бог как создатель все еще осуществлял контроль и власть над миром, Он суверенно решил не проявлять или объявить, разъяснить Его правление над миром, и не сделает этого до конца, до эсхатона. Тем временем Бог действовал и вел историю к великому завершению, эсхатону, апокалипсису, но скрытыми путями, путями, которые на самом деле не были видны людям, которым не была оказана помощь увидеть это.

Итак, апокалиптическое движение пыталось распознать тонкую и скрытую работу Бога в мире, а также, конечно же, объявить, что Бог имел в виду в конце. И это было выражено весьма символическим языком. Конечно, наиболее очевидным примером апокалиптической литературной формы в Новом Завете являются Откровение 4-22.

В символическом языке, в высоковизуальном языке, и на самом деле он подразумевал способность видеть невидимое. И поэтому здесь такой изобразительный, такой акцент на изобразительном или визуальном образном языке. И действительно, вы как бы последовательно используете образный язык.

Другими словами, одни и те же фигуры имеют тенденцию появляться в одном апокалиптическом произведении за другим, и они имеют тенденцию иметь одно и то же значение. Они имеют тенденцию указывать на одну и ту же реальность, так что, как только вы начнете заниматься апокалиптической мыслью, вы сможете переходить от одного апокалиптического произведения к другому. По умолчанию в апокалиптике предполагается, что язык будет образным, а не буквальным.

Опять же, в некоторых апокалиптических отрывках можно использовать буквальный язык, но по умолчанию предполагается, что за исключением ясных указаний на образный язык, на буквальный язык, язык следует понимать как образный, а не буквальный. Кроме того, существует предположение, что отрывок движется вперед, не обязательно хронологически, а скорее тематически. Итак, вы не можете предполагать, что, скажем, то, что описано в 12-й главе апокалиптического произведения, следует понимать как идущее в хронологическом порядке после того, что было описано в 11-й главе.

На самом деле, есть много людей, которые склонны читать апокалиптику как подразумевающую хронологическую последовательность. По крайней мере, в западном мире существует тенденция читать все литературные формы, по существу, как прозаическое повествование и предполагать хронологическую последовательность, даже в таких случаях, что, конечно, предполагает жанр, который больше не используется и не знаком. читать даже апокалиптику, которая, как я говорю, не движется по жанру, родовым ожиданиям, хронологически, читать ее хронологически. И это привело к созданию целой индустрии, если можно так выразиться.

Я не использую этот язык обязательно уничижительно, но можно сказать, что есть ряд людей, которые сделали карьеру в эсхатологии и излагают все с точки зрения деталей конца на основе хронологического прочтения 4-й главы Откровения. до 22, что может быть проблематично. И тогда драма или драматическая проза, которая предполагает, действительно предполагает прозу, но олицетворение и яркое описание событий или идей ради их трогательного воздействия. Итак, хотя это и в форме прозы или рассказа, суть не в том, чтобы рассказать о происшествии или истории как таковой, а в том, чтобы использовать различных персонажей или различные события в прозаическом отрывке как репрезентативные космические реальности.

Я думаю, что отличным примером здесь является 37-я глава книги Иезекииля, знаменитая глава «Долина сухих костей», где совершенно ясно, что Иезекииль на самом деле не идет в долину и не видит сухие кости, которые собираются вместе и покрываются плотью у него на глазах, это Такие вещи. Он не говорит об этом как о событии, а использует прозу в драматической манере, чтобы говорить о реальности, о других видах реальности, о которых говорит Бог. Другим примером этого могут быть 7-я и 8-я главы Притчей, где мудрость представлена в виде добродетельной женщины, а глупость, глупость представлена в виде блудницы.

И на самом деле он ничего не говорит, хотя он использует язык, который относится к проститутке, к тому, что она делает, к соблазнам проституции и тому подобному. Он действительно не говорит о проституции. Его цель состоит в том, чтобы использовать проституцию или проститутку как образ безумия.

Итак, совершенно очевидно, что важно интерпретировать отрывки в соответствии с их жанром, а не заниматься тем, что мы могли бы назвать нарушением жанра, что происходит, как я говорю, если вы интерпретируете отрывок, принадлежащий одному литературному жанру, как если бы он принадлежал другому. . Я привел пример из «Апокалиптики», чтобы интерпретировать «Апокалиптику» как если бы это было прозаическое повествование , включая движение вперед и принятие хронологической последовательности, тогда как на самом деле, учитывая этот жанр, неуместно предполагать некую хронологическую последовательность.

Итак, место для описания, дальнейшего изучения и понимания этих жанров, этих различных жанров, стандартный справочник, к которому мы должны обратиться для чего-то подобного, — это библейские словари. Я понимаю, что многие из вас, кто смотрит это видео, возможно, не имеют доступа к различным вторичным ресурсам. Но позвольте мне сказать, что если у вас есть доступ к вторичным ресурсам, либо в ваших собственных библиотеках, либо в библиотеках, которые могут быть вам доступны или, возможно, даже в Интернете, это один из наиболее важных, и я думаю, при прочих равных условиях, наиболее Важным ресурсом для изучения Библии является библейский словарь.

Если у вас есть к нему доступ, если вы можете себе это позволить, многотомный библейский словарь действительно подойдет любому, кто занимается христианским служением. Однотомный библейский словарь слишком избирательен, слишком краток и схематичен, чтобы принести большую пользу. Сейчас я фактически подготовил библиографию работ по различным аспектам изучения Библии.

Она называется «Основные инструменты изучения Библии для служения», и у меня здесь есть раздел, посвященный библейским словарям. Самым авторитетным библейским или библейским словарем, вероятно, считается Anchor Bible Dictionary. Это шесть томов.

Это несколько дорого. Он доступен, кстати, как в книжном, так и в электронном виде. Не такой обширный, но все же очень надежный многотомный библейский словарь — это Международная стандартная библейская энциклопедия, часто называемая акростой как ISBE.

Если вы воспользуетесь этим, вам обязательно нужно получить Международную стандартную библейскую энциклопедию, ту, которую редактирует Бромли, а не Опп. Тот, который был произведен Дж. Эдвином Оппом и вышел в 1929 году, довольно устарел. Ее продает крупное издательство, рекламируя его.

Вы этого не хотите. Это действительно устарело. Вы хотите получить самое последнее издание под редакцией Бромли.

Еще одно очень полезное издание, и на самом деле оно самое последнее, — это «Новый словарь толкователей Библии», изданный Абингдоном. Это в пяти томах. Но у них есть статьи обо всех этих литературных формах.

Они вдаются в детали и весьма полезны с точки зрения интерпретационного значения этих литературных форм. В следующем сегменте мы собираемся рассмотреть сегментный обзор и провести сегментный обзор первой главы Послания Иакова. Опять же, прежде чем вы посмотрите это видео, я бы посоветовал вам прочитать первую главу Послания Иакова.

Постарайтесь сделать все возможное, чтобы разобраться в этом с помощью сегментного опроса. Тогда мы поговорим об этом в начале следующего сегмента.

Это доктор Дэвид Бауэр в своем учении об индуктивном изучении Библии. Это занятие 10: Обзор частей и целых, Обзор подразделений, разделов, сегментов и жанров.